

БЕСЕДА в день Рождества Христова

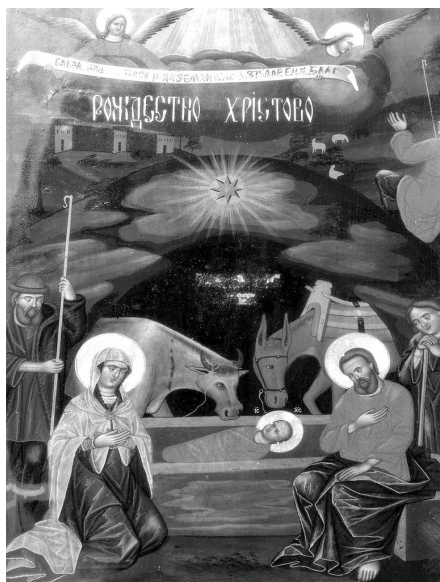
*Слава в вышних Богу, и
на земли мир, в человецех
благоволение (Лук. 2, 14).*

В воспоминаемом ныне Церковью чудесном событии рождения Христа-Спасителя участвуют и небо, и земли, и человек. Христос-Спаситель рождается в вифлеемских яслях, но Его славословят и ангелы Божии, и небесные звезды, и простые пастухи, и восточные мудрецы. Кто не приклонится пред беспредельностью любви Божией, явленной падшему человеку в великом событии рождения Христа-Спасителя?

Слава в вышних Богу, воспевали ангелы Божии при рождении Христа-Спасителя. Воплощение Сына Божия для искупления падшего человека составляет недомыслимую тайну Божией премудрости (1 Кор. 2, 7). Она-то составляла предмет дивной хвалы для небожителей в день рождения Христа-Спасителя. Да и могли ли ангелы Божии, эти любвеобильные существа, не радоваться близкому возвращению падшему человеку потерянного им счастья и блаженства? Изливая радость в дивной гармонии небесных звуков в виду близкого восстановления падших сынов Адама, ангелы Божии воспевали вместе с тем беспредельную благодать Божию, которая проявилась в событии рождения Христа-Спасителя, и пред которую благоговейно должен преклоняться всякий ум – не только человеческий, но и ангельский. В самом деле, можем ли мы воздать достойную хвалу Искупителю мира? Нет, ныне, в день праздника Рождества-Христова, нам, земнородным, приличнее в трепетном благоговении со смирением, только повторять хвалебную песнь небесных певцов: *слава в вышних Богу* – Искупителю нашему!

И на земли мир. Так, ангелы Божии возвестили вожденный мир на земле. Что же, неужели до рождения Христа-Спасителя не было

мира на земле? И не было, и не могло быть. Время от падения Адама до искупления рода человеческого крестною смертью Богочеловека есть время непримиримой вражды между дьяволом и несчастными потомками падшего Адама. Следствием падения наших прародителей было нарушением мира между Богом и человеком, борьба между высшими стремлениями человеческого духа и низменными влечениями плоти, оскудение любви между людьми.

С пришествием на землю Богочеловека мир примерен с Богом крестною смертью Его, вражда плоти, с ее страстями и похотями, против духа ослаблена, наши отношения к ближним определены евангельским учением о любви не только к друзьям, но и к врагам, которым мы должны благодетельствовать и прощать всякие обиды и оскорбления. К сожалению, данный Христом-Спасителем нравственный закон не всегда исполняется нами, не всегда освещается им темная область наших отношений к ближним. Поэтому и пророками обещанный и ангелами воспетый при рождении Христа-Спасителя мир остается, и по искуплению людей смертью Богочеловека, предметом желаний, но не обладания. Действительно, всматриваясь в жизнь

Об авторе

Эта беседа была предложена читателям «Воронежских епархиальных ведомостей» в 1889 году клириком Воронежского Троицкого кафедрального собора, протоиереем Митрофаном Ивановичем Романовским.

Митрофан Иванович родился в 1847 году в слободе Ново-Александровке Валуйского уезда Воронежской губернии в семье священника. Первоначально обучался в Бирюченском духовном училище. Затем поступил в Воронежскую духовную семинарию, которую закончил в 1869 году по I разряду. В 1873 году окончил Киевскую духовную академию и был определен смотрителем Петровского духовного училища Саратовской губернии.

С января 1874 по 1898 год проходил должность преподавателя богословских предметов в Воронежской духовной семинарии. Тогда же был определен в Воронежское епархиальное училище на предметы педагогики, географии и Закона Божьего.

В 1875 году был рукоположен во священника к Спасской церкви тюремного замка города Воронежа. С 1875 по 1887 год был преподавателем еврейского языка в Воронежской духовной семинарии. В 1876 году был переведен к Воронежской Успенской церкви.

В 1885 году был возведен в сан протоиерея и определен клириком Воронежского Троицкого Смоленского кафедрального собора. В 1887 по 1893 год состоял членом совета епархиального женского училища.

В 1898 году, по собственному прошению, был уволен от духовно-училищной службы. Скончался 20 октября 1906 года.

и отдельных лиц и целых обществ и государств, в их открытые деяния и тайные стремления, – в избираемые ими цели и средства к достижению их, – невольно спрашиваешь: когда же, наконец, водворится на обитаемой нами греховной земле тот вождь, который воспели небожители при рождении Христа-Спасителя? Когда, по вдохновенному вещанию пророка Исаии, люди раскуют мечи свои на орале и копия свои на серпы, – когда перестанут ратоваться (Ис. 2, 4)? Осуществится ли когда-нибудь на нашей греховной земле приведение во двор Христов овец, блуждающих по распутьям мира и страстей? Если и среди пастырей встречаются наемники, нерадящие о овцах стада, то и овцы стада не всегда слушают гласа своего пастыря. Не говоря уже о язычниках и магометанах, блуждающих вне овчаго двора Христова, многие ли из среды самых последователей Христовых достойно носят имя хри-

стиан? Не руководствуется ли большинство их своей в своей жизни и деятельности побуждениями злобы, зависти, ненависти и т. п.? А при таком настроении людей возможны ли мир и спокойствие? Нет, мир между людьми возможен только под условием самоотверженного последования за Христом-Спасителем (Мар. 8, 34), под условием всецелого выполнения заповедей Его (Иоан. 14, 15), и решительной победы над страстями и похотями (Тит. 2, 11-12). Таковы условия достижения мира на земле. Но осуществляются ли эти условия всеми и каждым из нас в настоящем нашем состоянии греховности?.. Увы! Пророками обещанный и небожителями воспетый при рождении Христа-Спасителя мир на земле в полном виде появится, значит, только после окончательного торжества царства света над царством тьмы, когда будет Бог всяческая во всех (1 Кор. 12, 25).

В человецех благоволение. И до

воплощения Христа-Спасителя люди пользовались благоволением Божиим, которое изливалось на них возможными путями – и естественными, и сверхъестественными. Но особенное чрезвычайное благоволение Господь Бог явил падшему человеку в деле воплощения Сына Божия для восстановления и спасения его. Только теперь, с пришествием на землю Христа-Спасителя, открылась для человека возможность находиться в постоянном общении с Богом. Теперь разрушено средостение, бывшее между Богом и человеком, и небо, действительно, соединилось с землею, – только не тою временною лестницею, которую видел во сне патриарх Иаков, но вечным искуплением Сына Божия (Евр. 9, 11-12), *Которым, по слову Апостола, благозлови Бог привести и земная и небесная в единую во едином Дусе ко Отцу* (Кол. 1, 19-20. Еф. 2, 18).

Протоиерей

Митрофан Романовский.

Вертеп

Известно, что в V в. во времена папы Сикста Третьего при праздновании Рождества в церквах устраивались панорамы – «Рождественские ясли». Отцы церкви разумно рассудили, что к сердцам простых людей, не знающих ни древнееврейского, ни древнегреческого, ни латыни, есть прямой и доступный путь – иллюстрация библейских сюжетов. Панорама в то время представляла собой Вифлеемскую пещеру, в которой находились ясли с куклой-младенцем. Над яслями склонились бык и осел, рядом – спящая Богоматерь и задумавшийся Иосиф. Все фигуры были неподвижными. Панорамы, скульптурные иллюстрации разносили по домам прихажан. Неподвижные кукольные панорамы дали жизнь настоящему вертепу и, как все виды театра кукол, обладающего вещной сохранностью, не исчезли, а остались в культуре славянских народов и многих народов Европы.

Формирование собственно вертепного театра, возможно, прямо связано с расколом христианской церкви. Процесс этот особенно явно проявился во второй половине XVI в., когда в противовес иезуитским католическим школам открываются «братские православные школы».

Распространению, развитию, популяризации вертепа на территории Русского государства способствовали на первых порах иерархи

православной церкви, преподаватели и учащиеся братских школ. Но со временем представления кукольного вертепа начали включать в себя светские элементы, мотивы народного театра, и отношение к вертепу изменилось. Таким образом, из сферы официальной христианской культуры вертеп в России перемещается в сферу культуры неофициальной и оформляется как народный кукольный театр.

События Октябрьской революции 1917 г. решили судьбу народного кукольного театра. Он исчез, оставшись предметом исследования ученых-фольклористов, творчества режиссеров, сценаристов, литераторов и др. Однако сегодня русская вертепная драма снова активно заявляет о своем существовании.

Подробнее в статье

Б. Голдовского «Очерк истории вертепа в России», журнал «Традиционная культура», 2003 г., № 4.

Святочный рассказ

До Рождества без малого месяц, но оно уже обдаёт тебя снежной пылью, принакает по утрам к морозным стеклам, звенит полозьями по голубым дорогам, поет в церкви за всенощной «Христос рождается, славите» и снится по ночам в виде веселой серебряной метели.

В эти дни ничего не хочется земного, а в особенности школы. Дома заметили мою предпраздничность и строго заявили:

— Если принесешь из школы плохие отметки, то елки и новых сапог тебе не видать!

«Ничего,— подумал я,— посмотрим... Ежели поставят мне, как обещались, три за поведение, то я ее на пятерку исправлю... За арифметику, как пить дать, влепят мне два, но это тоже не беда. У Михал Васильича двойка всегда выходит на манер лебединой шейки, без кружочка,— ее тоже на пятерку исправлю...»

Когда все это я сообразил, то сказал родителям:

— Балы у меня будут как первый сорт!

С Гришкой возвращались из школы. Я спросил его:

— Ты слышишь, как пахнет Рождеством?

— Пока нет, но скоро услышу!

— Когда же?

— А вот тогда, когда мамка гуся купит и жарить начнет, тогда и услышу!

Гришкин ответ мне не понравился. Я надулся и стал молчаливым.

— Ты чего губы надул? — спросил Гришка.

Я скосил на него сердитые глаза и в сердцах ответил:

— Рази Рождество жареным гусям пахнет, обалдуй?

— А чем же?

На это я ничего не смог ответить, покраснел и еще пуще рассердился.

Рождество подходило все бли-

же да ближе. В лавках и булочных уже показались елочные игрушки, пряничные коньки, и рыбки с белыми каемками, золотые и серебряные конфеты, от которых зубы болят, но все же будешь их есть, потому что они рождественские.

За неделю до Рождества Христова нас отпустили на каникулы.

Перед самым отпуском из школы я молил Бога, чтобы Он не допустил двойки за арифметику и тройки за поведение, дабы не прогневать своих родителей и не лишиться праздника и обещанных новых сапог с красными ушками. Бог услышал мою молитву, и в свидетельстве «об успехах и поведении» за арифметику поставил тройку, а за поведение пять с минусом.

Рождество стояло у окна и рисовало на стеклах морозные цветы, ждало, когда в доме вымоют полы, расстелят половики, затеплят лампы перед иконами и впустят Его...

Наступил сочельник. Он был метельным и белым-белым, как ни в какой другой день. Наше крыльцо занесло снегом, и, разгребая его, я подумал: необыкновенный снег... как бы святой! Ветер, шумящий в березах, — тоже необыкновенный! Бубенцы извозчиков не те, и люди в снежных хлопьях

не те... По сугробной дороге мальчишка в валенках вез на санках елку и как чудной чему-то улыбался.

Я долго стоял под метелью и прислушивался, как по душе ходило веселым ветром самое распрекрасное и душистое на свете слово — «Рождество». Оно пахло вьюгой и колючими хвойными лапками.

Не зная, куда девать себя от белизны и необычности сегодняшнего дня, я забежал в собор и послушал, как посередине церкви читали пророчества о рождении Христа в Вифлееме; прошелся по базару, где торговали елками, поставил ногу проходящему мальчишке, и оба упали в сугроб; ударил кулаком по залубеневшему тулупу мужика, за что тот обозвал

меня «шудды-булды»; перебрался через забор в городской сад (хотя ворота и были открыты). В саду никого, — одна заметель да свист в деревьях. Неведомо отчего бросился с разлету в глубокий сугроб и губами прильнул к снегу. Умаявшись от беготни по метели, сизый и оледеневший, пришел домой и увидел под икона-

ми маленькую елку... Сел с нею рядом и стал петь сперва бормотой, а потом все громче да громче: «Дева днесь пресущественного рождает», и вместо «волсви со звездою путешествуют» пропел: «волки со звездою путешествуют».

Отец, послушав мое пение, сказал:

— Но не дурак ли ты? Где это видано, чтобы волки со звездою путешествовали?

Мать палила для студня телячьи ноги. Мне очень хотелось есть, но до звезды нельзя.

Отец, окончив работу, стал читать вслух Евангелие. Я прислушивался к его протяжному чтению и думал о Христе, лежащем в яслях:

— Наверное, шел тогда снег и маленькому Иисусу было дюже холодно!

И мне до того стало жалко Его, что я заплакал.

— Ты что заканючил? — спросили меня с беспокойством.

— Ничего. Пальцы я отморозил.

— И поделом тебе, неслуху! Поменьше бы олетывал в такую зябь!

И вот наступил, наконец, рождественский вечер. Перекрестясь на иконы, во всем новом, мы пошли ко всенощной в церковь Спаса-Преображения. Метель утихла, и много звезд выбежало на небо. Среди них я долго искал рождественскую звезду и, к великой своей обрадованности, нашел ее. Она сияла ярче всех и отливала голубыми огнями.

Вот мы и в церкви. Под ногами ельник, и кругом, куда ни взглянешь — отовсюду идет сияние. Даже толстопузый староста, которого все называют «жилой», и тот сияет, как святой угодник. На клиросе торговец Силантий читал «великое повечерие». Голос у Силантия сиплый и пришепетывающий, — в другое время все на него роптали за гугнивое чтение, но сегодня, по случаю великого праздника, слушали его со вниманием и даже крестились. В густой толпе я увидел Гришку. Протискался к нему и шепнул на ухо:

— Я видел на небе рождественскую звезду... Большая и голубая!

Гришка покосился на меня и пробурчал:

— Звезда эта обыкновенная! Вега называется. Ее завсегда видать можно!

Я рассердился на Гришку и толкнул его в бок. Какой-то дяденька дал мне за озорство щелчка по затылку, а Гришка прошепел:

— После службы и от меня получишь!

Читал Силантий долго-долго... Вдруг он сделал маленькую передышку и строго оглянулся по сторонам. Все почувствовали, что сейчас произойдет нечто особенное и

важное. Тишина в церкви стала еще тише. Силантий повысил голос и раздельно, громко, с неожиданной для него проясненностью, воскликнул:

— С нами Бог! Разумейте языцы и покоряйтесь, яко с нами Бог!

Рассыпанные слова его светло и громогласно подхватил хор:

— С нами Бог! Разумейте языцы и покоряйтесь, яко с нами Бог!

Батюшка в белой ризе открыл Царские врата, и в алтаре было белым-бело от серебряной парчи на престоле и жертвеннике.

— Услышите до последних земли, яко с нами Бог,— гремел хор всеми лучшими в городе голосами.— Могуции покоряйтесь, яко с нами Бог... Живущий во стране и сени смертной свет возсияет на Вы, яко с нами Бог. Яко отроча родися нам, Сын, и дадеся нам — яко с нами Бог... И мира Его нет предела,— яко с нами Бог!

Когда пропели эту высокую песню, то закрыли Царские врата, и Силантий опять стал читать. Читал он теперь бодро и ясно, словно песня, только что отзвучавшая, посеребрила его тусклый голос.

После возгласа, сделанного священником, тонко-тонко зазвенел на клиросе камертон, и хор улыбающимися голосами запел «Рождество Твое, Христе Боже наш».

После рождественской службы дома зазорили (по выражению матери) елку от лампадного огня. Елка наша была украшена конфетами, яблоками и розовыми баранками. В

тети ко мне пришел одноклассник мой еврейчик Урка. Он вежливо поздоровился с праздником, долго смотрел ветхозаветными глазами своими на зазоренную елку и сказал слова, которые всем нам понравились:

— Христос был хороший человек!

Сели мы с Уркой под елку, на полосатый половики, и по молитвеннику, водя пальцем по строкам, стали с ним петь «Рождество Твое, Христе Боже наш».

В этот освещенный вечер мне опять снилась серебряная метель, и как будто бы сквозь вздымы ее шли волки на задних лапах и у каждого из них было по звезде, все они пели «Рождество Твое, Христе Боже наш».

Василий А. Никифоров-Волгин
«Серебряная метель»

РОЖДЕСТВЕНСКОЕ

В яслях спал на свежем сене
Тихий крошечный Христос.
Месяц, вынырнув из тени,
Гладил лен его волос...

Бык дохнул в лицо младенца
И, соломою шурша,
На упругое коленце
Засмотрелся чуть дыша.

Воробьи сквозь жерди крыши
К яслям хлынули гурьбой,
А бычок, прижавшись к нише,
Одеяльце мямл губой.

Пес, прокравшись к теплой ножке,
Полизал ее тайком.
Всех уютней было кошке
В яслях греть дитя бочком...

Присмиривший белый козлик
На чело Его дышал,
Только глупый серый ослик
Всех беспомощно толкал.

«Посмотреть бы на ребенка
Хоть минуточку и мне!»
И заплакал звонко-звонко
В предрассветной тишине...

А Христос, раскрывши глазки,
Вдруг раздвинул круг зверей
И с улыбкой, полной ласки,
Прошептал: «Смотри скорей!..»

Саша Черный,
1920 г.